

УДК 81'272

СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОГО СТИЛЯ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

© 2018 г.

А.А. Бусель

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

anna7142@mail.ru

Поступила в редакцию 21.03.2017

Рассматриваются специфика религиозного стиля русского литературного языка на современном этапе, лингвистические и экстралингвистические особенности его развития и становления, своеобразие функционирования в текстах религиозного стиля православной лексики.

Ключевые слова: религиозный стиль, православная лексика, семантика, языковое сознание, религиозный дискурс, светский дискурс, массмедийный дискурс.

Религиозный стиль (далее – РС) – функциональная разновидность современного русского литературного языка, которая обслуживает сферу деятельности Русской православной церкви¹.

РС – относительно молодой стиль. Его формированию в современном литературном языке предшествовала длительная историческая традиция, уходящая своими корнями в дореволюционное прошлое (до 1917 г). После революции, претерпев значительные ограничения, РС всё-таки сохранился. Позднее, с начала 90-х годов XX века в условиях некоторого светского противостояния, постоянного религиозного экстремизма и исламского влияния РС стал активно формироваться как самостоятельный функциональный стиль русского литературного языка. В XXI веке РС переживает бурный расцвет: российское государство позиционирует православие как необходимый элемент гражданского института.

РС на современном этапе имеет свои особенности и задачи, определяемые как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами: общественно-политической ситуацией внутри нашей страны, глобальными вызовами, мировыми угрозами и процессами.

Важно заметить, что РС в настоящее время используется в различных коммуникативных сферах (политика, образование, культура). Это объясняется тем, что духовенство ведёт активный диалог с российской аудиторией. Следствием расширения сферы функционирования РС является то, что он «вбирает» черты других стилей (разговорного, художественного, публицистического). Так, в текстах РС сегодня можно наблюдать обилие сниженных, разговорных элементов. См.: ... *когда говорят «чтобы уверовать, надо что-то увидеть», а сами при этом ради Христа палец о палец не ударили*, – это

такая дешёвка (Сайт Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря); ... *в создании семьи иногда необходимо немножко сумасбродства* (Православный сайт «Семья и Вера»).

Некоторые исследователи, в частности словацкий лингвист Й. Мистрик, подчёркивает близость РС к художественному стилю [2, с. 83]. В текстах РС заметны черты художественного стиля (метафоры, эпитеты), которые дают образную характеристику предмета или явления с позиции христианских категорий. Так, например, в религиозных текстах частотны такие слова, как *лестница*, *дом*, *пустыня*, *трапеза*, *agneц*. Метафорически переосмысленные, они обозначают следующее: *лестница* (или *лествица*) – средство достижения святости (*Прилежи... к молитве... ею как лествицею ... взойдешь к Богу* (<http://old-ru.ru/08-71.html>)); *дом* – храм («дом Божий»); *пустыня* – место духовного спасения, избавляющее от соблазнов; *трапеза* – Евхаристия, *agneц* – Христос. В РС существует множество эпитетов (*незримый свет*, *непроницаемая тьма*, *ангельский образ*, *неизречённая любовь и под.*), преобладающим из которых в современных текстах РС является эпитет *духовный*: *духовное делание*, *духовный вкус*, *духовные обязанности*, *духовная радость*, *духовная заря*, *духовные токсины*, *духовная машина*, *духовный пожар*. Сочетания, его составляющие, как правило, сами по себе обладают метафоричностью. См.: *Христос – весь любовь. ...Он в изобилии имеет духовный кислород – Божественное учение* (<http://kolpino-orthodoxu.ru>).

Для РС характерно частичное функциональное сходство с публицистическим стилем, с которым он сближается «сложностью коммуникативной функции, массовым характером адресата и эмоционально-экспрессивной окрашенностью... языковых средств» [3]. Так, например, в

текстах РС нередко используются процессуальные существительные (*клерикализация, секуляризация, обмирщение* и др.), которые более характерны для публицистического стиля. Данная специфика связана с сегодняшней языковой ситуацией, спровоцированной некоторыми общественными процессами, а именно взаимодействием религии и политики. Названные выше слова обозначают современные тенденции или изменения в обществе и мире. Лишь часть этих слов имеет отношение к христианским понятиям (*клерикализация, обмирщение* и др.), в то время как другая их часть не принадлежит к христианской лексике (*секуляризация, радикализация, исламизация*). Однако все понятия, обозначаемые данными лексемами, взаимосвязаны (секуляризация и противоположное явление – клерикализация; обмирщение и похожее явление – секуляризация).

Иногда сами эти слова, нетипичные и непривычные для РС, в религиозных текстах не произносятся, хотя о явлении или процессе, называемом данными лексемами, говорится. Так, например, в литературном труде Паисия Святогорца, православного писателя XX века, подробно описан процесс исламизации, но само существительное, называющее это явление, ни разу не используется. См.: *В последнее время восемьдесят тысяч французов стали мусульманами. ... Мусульманство, можно сказать, их устраивает: жён можно брать, сколько хочешь, а в жизни иной эта вера обещает плова – непочатый край ... И если умершего омоют после смерти тёплой водой, то он якобы очищается от грехов ... Идут к Аллаху чистенькими!* (<http://dobroeslovo.ru>).

Важной чертой РС является то, что он существует в условиях современной русской диглоссии. Тексты некоторых религиозных жанров функционируют только на церковнославянском языке (молитвы, псалмы, акафисты). Особое место занимают тексты, которые реализуются на церковнославянском языке, но записываются средствами современного русского алфавита (так называемая транслитерация). Это акафисты, псалмы, гласы и др. Следует отметить, что на современном этапе церковнославянский язык переживает свой расцвет. Он не только по-прежнему функционирует как язык православного богослужения, но и является обязательным учебным предметом в приходских школах. В Интернете активно распространяются видеоролики по изучению этого языка.

В то же время в сфере деятельности РПЦ активно создаются тексты на современном русском литературном языке (проповеди, исповедь, духовные беседы и др.). Однако церковносла-

вянские слова и выражения весьма частотны в современных текстах РС. Церковнославянский язык на русскую нейтральную стилистическую основу накладывает большое количество церковнославянских языковых элементов (*отроковица, одр, куца, токмо*), которые придают текстам РС, звучащим на современном русском литературном языке, особый стилистический колорит. См.: ... *восклонимся от земли, воззрим на Крест Христов* (<http://ierei-korenev.ru>); *Чадам... Русской Православной Церкви! От всего сердца, ныне ликующего... я поздравляю вас с Пасхой* (<http://valaam.ru>) и т.п.

Отличие религиозного стиля от других функциональных стилей, основанных только на современном национальном языке, «состоит в синтезе национальных и пророческих языков, языков литургии, языков богослужения. Последние, как известно, бывают достаточно архаизированными» [1]. Но, несмотря на большое количество архаичных элементов внутри системы РС, в нём появляются и слова «на злобу дня» (неологизмы): *захожане* – ‘о людях, которые приходят в храм только поставить свечку’, *сорокоустник* – ‘новорокоположенный дьякон или священник, служащий 40 литургий подряд’, *требоисполнитель* (о священнике), *катехизнуть* – ‘провести процесс катехизации кого-либо’ и др. Как правило, неологизмы употребляются в речи неподготовленной, спонтанной и являются скорее исключением, нежели правилом.

Приходится констатировать тревожную тенденцию нашего века – влияние радикального, или политического, исламского дискурса на русскую речевую культуру, в том числе на религиозный язык. Можно утверждать, что РС формируется в условиях влияния исламского дискурса. Сегодня лексика этой религии используется в религиозном дискурсе с такой же высокой степенью частотности, как и православная. Слова, обслуживающие политический ислам, в целом представляют собой определённую опасность для сохранности православных слов и их значений, привычных для христианской цивилизации. Радикально окрашенный исламский дискурс рождает слова с крайне агрессивной семантикой (неологизмы *игилизм, дашиизм, игиловец, игиловщина*), которые внедряются в политическую, религиозную, бытовую сферы. Отметим, что исламское влияние породило в речи такие оксюморонные сочетания, как *православный ИГИЛ, православный джихад, православный халифат, православный мусульманин, исламская Русь* [4]. Подобная тенденция соединения слов из лексики разных конфессий является опасной для становления РС, так как чревата смешением религиозных понятий.

В то же время исламский дискурс имеет некоторые общие с православным дискурсом языковые единицы (*душа, рай, богопонимание*), а также очень похожие, однако порой принципиально различающиеся в понятийном значении слова. Так, например, в православной лексике существуют такое субстантивное прилагательное, как *верные*, обозначающее последователей православной веры, и сочетания *духовная война, духовная брань*, называющие борьбу с грехами внутри себя. Перечисленные языковые единицы предполагают положительную оценку выражаемых понятий. В исламском дискурсе есть похожие внешне слова и сочетания. Так, исламское прилагательное *неверные*, отличающееся от православного *верные* приставкой *не-*, предполагает отрицательную коннотацию, связанную со значением слова. *Неверные* – это все, кто не относится к религии ислам и надлежит уничтожению. Сочетание *священная война* (о джихаде), в свою очередь, обладает агрессивной семантикой и имеет значение ‘борьба с неверными, их убийство’. Отметим, что в данном случае слова лексики ислама относятся к его радикальной линии.

На современном этапе РС функционирует в условиях нарастающего религиозного экстремизма. Обычно в массмедийном дискурсе его связывают с исламом, а само слово *экстремизм* используется в паре с прилагательным *исламский*. Однако и для исламских, и для православных экстремистских текстов характерны одинаковые языковые признаки выражения религиозного экстремизма (слова агрессивной семантики, призывы, императивы) (см., например, об этом в [5]).

Приметой нашего времени является то, что в едином информационном поле представлены различные религиозные объединения. Псевдохристианские («Свидетели Иеговы») и иные религиозные направления («Церковь Объединений»), апеллируя к имени Христа, Божией Матери, знакомым каждому верующему терминам православия или словам морально-нравственного характера, оказывают заметное воздействие на РС, манипулируют словом. Приведём примеры броских заголовков из учения секты «Церковь Объединений», представленного в книге «Человек планеты, любящий мир. Преподобный Мун Сон Мён. Автобиография»: *Счастье – это жизнь, прожитая ради других; Оставьте после себя наследие любви; Счастливая семья – краеугольный камень Царства Небесного; Не силой оружия, а силой истинной любви* [6]. В этих заголовках используется та же лексика, что и в православном дискурсе, но в последнем слова *любовь, Царствие Небесное* и под. подразумевают учение Иисуса

Христа (любовь, например, это прежде всего любовь к Богу), тогда как в сектантской литературе за подобными словами кроется другой смысл, не связанный с христианскими ценностями или искажающий их. Такое, манипулятивное использование православного слова – угроза для религиозного языка, для становления РС, так как чревато экстралингвистическими и лингвистическими последствиями: негативным влиянием на сознание человека, поприем христианской традиции, искажением значения православных лексем.

Здесь уместно было бы сказать о необходимости жёсткой языковой политики, оберегающей лексику православной традиции от её использования в псевдорелигиозной среде.

Нельзя не отметить и тот факт, что формирование РС происходит под влиянием светского дискурса, в котором в последние десятилетия нередко звучит критика в адрес РПЦ. Опишем это подробнее. В современном обществе есть противники нарастающего религиозного (православного) влияния на язык и социум. Это влияние именуется словом *клерикализация*, этимологически восходящим к слову *клир* (от греч. *klēros* «жребий, удел») ‘в христианской церкви: совокупность священнослужителей и церковнослужителей; духовенство’ [7]. В русском языке словом *клерикал* (от лат. *clericus* «священник») называют сегодня представителей любой церкви. Часто слово *клерикал* и образованное от него существительное *клерикализм* наделяются негативной коннотацией в речи противников самого этого процесса. См.: *Где клерикал – там атеизм. Реальный скепсис всегда идёт от клерикалов* (<http://kontrudar.com/video/gde-klerikal-tam-ateizm>); *Как надоел этот клерикализм. Клерикализм – нарушение прав и свобод граждан* (<http://www.golos-ameriki.ru/a/andrey-zvyagintsev-on-russia-and-leviathan/2650802.html>). Слово *клерикализация* в современной речи также получает негативный оттенок. См.: *Сама православная религиозная традиция в условиях клерикализации перестает быть религией... становится одной из форм выхолащенной идеологии (православизм)* (интернет-ресурс); *Клерикализация России – путь в новое варварство* (<http://www.portal-credo.ru>).

В светских медиа нередко наблюдается десакрализация православной лексики². Некоторые слова, устойчивые выражения, в том числе библеизмы, используются в качестве средства иронии, негативной оценки описываемого предмета или события. Например, *тайная вечеря* обозначает встречу политиков; *апостолы и магдалины* – политических деятелей; *Новый Кремлёвский Завет* – новые политические идеи

лидеров власти (<http://www.rubezh.eu/Zeitung/2012/01/10.htm>). См. также: *Бес Кирилл (Гундяев), явление черта народу* (<http://politiko.ua/blogpost72620>) – о Митрополите Кирилле; *Явление черта народу* – трансформация фразеологической единицы *явление Христа народу*, которая намеренно искажается «для существенного понижения уровня восприятия читателями» описываемых явлений [9, с. 247].

В то же время, несмотря на отмеченное выше противостояние светского и религиозного (православного) дискурса, РС современного литературного языка аккумулирует средства, служащие связующим звеном между традицией религиозной и светской. Православная лексика как часть РС становится сегодня частью национального языкового сознания и занимает важное место в национальной языковой картине мира. Религиозные слова, долгие годы советской власти находившиеся на периферии языка и считавшиеся идеологическим пережитком прошлого, теперь входят в активный словарный состав (*церковь, крест, исповедь* и др.). Так, например, существительное *милосердие* в эпоху тоталитаризма сохраняло негативный оттенок, выхолащивавший из значения слова духовную ценность. Сегодня это слово имеет положительную коннотацию, оно частотно и в церковном, и в светском дискурсах. Вместо фразы, являвшейся крылатой в советский период: «*Милосердие – поповское слово*», приходит иное популярное выражение: «*Милосердие сильнее оружия*» (<https://ria.ru/photolents>).

Говоря о специфике РС на современном этапе, следует остановиться и на его функциях. Назовём важнейшие из них: сохранение идентичности русского слова, чистоты русского языкового пространства, противостояние экспансии лексем, связанных с современными антицивилизационными вызовами (религиозными войнами, религиозным экстремизмом, исламизацией, исламской террористической угрозой, глобализацией); сохранение христианских этических ценностей, формирование морально-нравственных установок личности как её высших ценностей, внутреннего достоинства. Православное слово, функционирующее в системе РС, играет здесь большую роль: оно содержит определённые мировоззренческие ориентации, отражает нравственно-религиозную этику (*любовь, милость, милосердие, смирение* и др.) и способно оказывать влияние на языковую картину общества. Подчеркнём, что, согласно социальной концепции РПЦ, в текстах РС нет пропаганды насилия, вражды и ненависти, национальной, социальной и религиозной розни, эксплуатации человеческих инстинктов. Они

нацелены на раскрытие положительных идеалов и борьбу с распространением зла [10]. В них невозможно встретить инфермальную (обсценную) лексику, бранные и грубые слова.

РС русского литературного языка как часть сферы религии достаточно константен. Значения большинства православных слов, догматически значимых для православной традиции и раскрывающих постулаты христианской религии, остаются неизменны (*святость, мученичество, покаяние, грех, нестяжание*). Система РС сохраняет редкие даже для православного дискурса лексемы (*остращение, оцеломудривание, радостопечалие, прилог, смиренномудрие, любочестие* и др.), которые несут в своих значениях уникальные понятия и смыслы. Данные лексемы, как правило, не представлены ни в лексикографических источниках, ни в светском дискурсе.

Безусловно, важной функцией РС является и формирование религиозного сознания, привлечение новых последователей православной традиции. Эта функция реализуется в таких жанрах религиозной коммуникации, как проповедь и послание. В православных медиа популярен формат передач в вопросно-ответной форме к религиозному лицу («Беседа со священником», «Спросите батюшку»). Это так называемый жанр духовной беседы, который предполагает саму проповедь или элементы послания (обращение к зрителям с поздравлениями с праздниками, пожеланиями и проч.). В таких передачах часто звучат религиозные слова, сочетания слов (*соборование, причастие, искушать, божественная жизнь*), молитвенные формулы («*Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа*», «*Аминь*», «*Да будет так*», «*Богу нашему слава*») в зависимости от обсуждаемой проблемы или вопроса нравственного, богословского, аксиологического или иного характера, требующего разрешающего слова пастыря. Обращает на себя внимание и тот факт, что для современного читателя оказываются необходимыми разного рода пояснения, раскрывающие значения забытых за годы атеизма религиозных слов. В СМИ делаются специальные пометы или сноски и даже отводятся целые рубрики под словарные статьи, как, например, в журнале «Славянка», или создаются специализированные энциклопедические интернет-ресурсы («Православная энциклопедия» на сайте «Азбука веры»).

В связи с экстралингвистическими факторами – возрождением религиозной традиции, медиатизацией общественного пространства – активно проявляют себя и другие жанры религиозной коммуникации: информативные микродиалоги, фатические беседы; этикетные жанры

приветствия, прощания; просьбы (прескриптивы); замечания (апеллятивы) и др. (см. подробнее в [11, с. 341–363]).

В заключение отметим, что формирование новых для РС жанров свидетельствует о расширении границ этого стиля, который выходит за рамки своей исконной сферы, им обслуживаемой. Возможно, в будущем можно будет говорить о подстилях РС, подобных тем, которые существуют внутри традиционно выделяемых стилей русского литературного языка (деловой, научный, публицистический).

Примечания

1. В широком смысле под термином *религиозный стиль* понимается вариант литературного языка, который складывается на основе «национального языка и языка конкретной религии» [1, с. 21–35].

2. Процессы десакрализации православной лексики ранее подробно рассматривались в работах И.В. Бугаевой (см., например: [8]).

Список литературы

1. Гадомский А.К. Стилистический подход к изучению религиозного языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2008/02Gadomski.pdf>.

2. Mistrik J. Religiozny styl. Stylistyka I, Opole, 1992. С. 83.

3. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Наука, 2003. 696 с.

4. Бусель А.А., Маринова Е.В. Новая религиозно-политическая лексика XXI века в российских СМИ и интернет-дискурсе (на примере производных слова *ИГИЛ*) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2017 (в печати).

5. Мороров Д.В. Вербальные средства манипуляции в русскоязычном экстремистском тексте (на материале Рунета): Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2016. 268 с.

6. Мён М.С. Человек планеты, любящий мир. Преподобный Мун Сон Мён. Автобиография. М.: Московский печатный дом, 2010. 356 с.

7. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

8. Бугаева И.В. Некоторые семантические процессы в религиозной лексике // Активные процессы в лексике и фразеологии: Материалы Междунар. конф. М.– Ярославль, 2007. С. 29–32.

9. Понкин И.В. Дисфорическая ненависть журналиста газеты «Московский комсомолец» Сергея Бычкова к Русской Православной Церкви: Сб. материалов / Сост. И.В. Понкин; Ин-т государственно-конфессиональных отношений и права. М., 2008. 247 с.

10. Основы социальной концепции Русской Православной церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://azbyka.ru/osnovy-socialnoj-koncepcii-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi>.

11. Розанова Н.Н. Сфера религиозной коммуникации: храмовая проповедь // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2003. С. 341–363.

SPECIFIC FEATURES OF THE RELIGIOUS STYLE OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE AT THE PRESENT STAGE

A.A. Busel

The article considers some specific features of the religious style of the Russian literary language at the present stage, linguistic and extralinguistic features of its development and formation, as well as the peculiarities of the functioning of Orthodox vocabulary in the texts of the religious style.

Keywords: religious style, Orthodox vocabulary, semantics, linguistic consciousness, religious discourse, secular discourse, mass media discourse.

References

1. Gadomskij A.K. Stilisticheskij podhod k izucheniju religioznogo yazyka [Ehhlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2008/02Gadomski.pdf>.

2. Mistrik J. Religiozny styl. Stylistyka I, Opole, 1992. С. 83.

3. Stilisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka / Pod red. M.N. Kozhinoj. M.: Nauka, 2003. 696 s.

4. Busel' A.A., Marinova E.V. Novaya religiozno-politicheskaya leksika XXI veka v rossijskih SMI i internet-diskurse (na primere proizvodnyh slova IGIL) //

Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, 2017 (v pechati).

5. Morovov D.V. Verbal'nye sredstva manipulyacii v russkoyazychnom ehkstremit'skom tekste (na materiale Runeta): Dis. ... kand. filol. nauk. N. Novgorod, 2016. 268 s.

6. Myon M.S. Chelovek planety, lyubyashchij mir. Prepodobnyj Mun Son Myon. Avtobiografiya. M.: Moskovskij pechatnyj dom, 2010. 356 s.

7. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Pod red. S.A. Kuznecova. SPb.: Norint, 1998. 1536 s.

8. Bugaeva I.V. Nekotorye semanticheskie processy v religioznoj leksike // Aktivnye processy v leksike i

frazeologii: Materialy Mezhdunar. konf. M.– Yaroslavl', 2007. S. 29–32.

9. Ponkin I.V. Disforicheskaya nenavist' zhurnalista gazety «Moskovskij komsomolec» Sergeya Bychkova k Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi: Sb. materialov / Sost. I.V. Ponkin; In-t gosudarstvenno-konfessional'nyh otnoshenij i prava. M., 2008. 247 s.

10. Osnovy social'noj koncepcii Russkoj Pravoslav-

noj cerkvi [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://azbyka.ru/osnovy-socialnoj-koncepcii-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi>.

11. Rozanova N.N. Sfera religioznoj kommunikacii: hramovaya propoved' // Sovremennyj russkij yazyk: Social'naya i funkcional'naya differenciaciya / Ros. akademiya nauk, In-t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. M., 2003. S. 341–363.